

КАЖДЫЙ УБИВАЛ

Роман

26. Глеб

— Тело, еще теплое, нашел лабрадор. Случайно... Хозяин пса повел его выгуливать, на Крылатские холмы. Вызвал лифт, и тут ему показалось, что он забыл выключить плиту. Собаке приказал ждать, а сам вернулся в квартиру... — неторопливо докладывает дежурная обстоятельства нового дела, пока собирается группа для выезда на место преступления.

Бардак в конторе полный. Дело на контроле: чем быстрее отрапортуешь, что расследование ведется лучшими силами, тем больше очков наберешь перед начальством. И шеф не ждет, пока вызовут Гаврилыча и Олеговну, с которыми обычно работает Глеб. Кто есть в наличии — тот и едет.

Может, это мне на руку, думает Глеб и не поторапливает толковую лейтенантшу. Женское внимание к деталям часто помогает. Значит, труп быстро обнаружили...

— Охотничий пес учуял трупный запах... — меланхолично продолжает дежурная рутинное для нее описание, — ткнул сильной лапой в соседскую дверь и вбежал в квартиру потерпевшей Бизяевой... Завыл, как сирена. Нервная жилочка с нижнего этажа вызвала милицию и позвонила охранникам из будки во дворе, чтобы задержали владельца собаки до приезда наряда. Тот-то уже затащил пса в лифт и спустился вниз. Смыться хотел... Подальше от неприятностей. Это не хрущоба, в таких домах ни сочувствия, ни помощи.

Хорошо, что дежурная так подробна. Глеб сосредоточенно фиксирует детали, анализирует ситуацию, и ликование от неожиданного фарта притапливается где-то внутри. Есть надежда, что никто не успел зафиксировать всплеск его неуместной радости. Нарочито хмуро, не поднимая глаз, называет он себя и здоровается за руку с подошедшим судмедэкспертом, который, кажется, перевелся сюда из Восточного округа, и новичком-криминалистом. Господи, да это же Витек! Уже не участковый... Выучился, значит... Только бы не полез с расспросами...

— Не лажанись! — приструнивает он новоиспеченного коллегу. Никакого панибратства ему сейчас не нужно. Никакого...

— Буду стараться! — по-военному чеканит тот.

Обещает вроде бы серьезно, без ерничанья.

Недлинную дорогу до места преступления — Крылатские холмы, дом такой-то — Глеб сидит молча рядом с шофером, не оборачиваясь к сослуживцам. Обдумывает свои действия, настраивается. Как актер перед спектаклем.

А коллеги обсуждают на заднем сиденье какие-то свои домашние заморочки:

— И тут она, блин, мне говорит...

— И ты что?..

— А что я могу...

Выясняется, что Витек заново женился, вот-вот наследника родит. Рядовой разговор не слишком близких коллег, болтовня, которая не проясняет ситуацию, не подсказывает никакого решения, но и она годится для того, чтобы время от времени сбрасывать накопившееся напряжение. Есть хоть кто в их системе, кроме бессемейных и уже разведенных, кого из-за ненормированного рабочего дня дома не пилят?

Жизнь продолжается...

Для меня, для Анжелы, но только не для бизяевской дочки, — хмыкает про себя Глеб, хлопая дверцей машины. Ему и тут повезло: группа из недавно поступивших на работу. Он чуть выше их по положению — и

административно, и как старожил. Быть на дистанции сейчас просто необходимо. Витька он сразу на место поставил, так что лишних вопросов задавать не станет. Не рискнет напрашиваться на рюмку-другую после осмотра места преступления.

Было однажды... Года три-четыре назад в соседней блочной семнадцатизэтажке застрелили одинокую бизнес-вумен. Бизнес ее так себе — химчистка в здешнем Доме быта и пара продовольственных магазинчиков в жилых корпусах по соседству. Дуреха взяла в банке ссуду для закупки чистящих реактивов и новых барабанов, всего-то тридцать тысяч долларов, и ничего лучше не придумала, как поехать домой с пачкой денег. Магнитный ключ никак не открывал дверь в подъезд. Пока она возилась у входа в дом, какой-то отморозок стал вырывать ее сумку. Она не отдает. Крепко вцепилась. Видимо, телевизор не смотрела: средства массовой информации объяснили вора, что их жертвы для спасения жизни не должны оказывать сопротивление. Преступники поверили.

Парень от неожиданности, что ли, ткнул дамочку заточкой в печень и убежал. Она еще сумела подняться на свой тринадцатый этаж, — не зря у этого номера дурная репутация! — вызвала милицию и отдала богу душу. За тридцатник... Еще одна роковая цифра... Парень потом попался на другой краже, признался, что его навели на эту добычу, по телефону позвонили. А кто — ему, мол, до фени. За информацию потребовали четверть суммы, но после смерти тетки никто с ним не связался. Скорее всего, наводчик — кто-то из ее приближенных или конкурентов, но зачем лишние заморочки... Убийца-то пойман. Дело раскрыто. У родных-близких фигурантки не было никаких связей с влиятельными силами, так что дальше не копали.

Глеб тогда еще не освоился с одиночеством. Вика только что съехала, вот он и не сопротивился натиску коллег. Пусть зайдут. Всего-то спуститься на второй этаж. Может, перестанет, наконец, чувствовать себя чужаком?

Ввалились в ночи всей группой. Одни мужики, отправившие семьи кто на дачу, кто в Крым, кто в Турцию. Лето было. Скинулись, шофера Толика послали в круглосуточный «Перекресток» за обычной холостяцкой едой: заказали две поллитры, полкило соленых огурцов, буханку дарницкого и полбатона докторской на четверых. Пока тот ездил — пешком было бы быстрее, но водители в булочную своими ногами не ходят — Глеб выставил непечатую бутылку «Лафройг молт». Благодарность соседки с девятого этажа, мамыши прыщавого студента, которого Глебова следственная группа вытащила из наркоманского притона.

Поднимаясь на лифте к месту преступления, Глеб сладострастно уходит глубже в прошлое, оттягивая момент, когда придется быстро соображать и действовать. Вроде как к прыжку готовится, отступая от стартовой черты.

Воспоминание о незагадочном преступлении — как тренировка перед важным сражением.

Наркоманский притон...

Словно въяве видит он трехкомнатную квартиру, хозяин лежит в кухне с раскроенным черепом, а знакомый недоросль в обнимку со своей подружкой сидит на заляпанном кафеле большой ванной комнаты и блаженно улыбается. Дело было в Кунцеве на седьмом этаже кирпичного дома, из тех, что до сих пор называют «цековскими».

В семидесятые годы построили «царское село» для партийной элиты и их прихвостней. За три десятка лет жилье изнашивается, главы семейств поумирали, а их потомки, приученные к халяве и к тому, что законы не для них, свернули на скользкую дорожку. Вот один, сын замзавотдела ЦК, ставший наркодилером, и поскользнулся. Упокоился в луже собственной крови. Его нечаянный убийца сбежал, а его клиенты валяются по углам квартиры, превращенной в хлев, и даже не заметили пропажи бойца.

Допросив свидетелей, Глеб позвонил своей соседке и с рук на руки передал ей отпрыска. На прямой вопрос: «Сколько я должна?» — ответил казенно: «Это входит в мои служебные обязанности». Пусть побудет должником. Полезно иметь в заглазнике признательных тебе людей.

Умная тетка правильно поняла отказ, но не взять бутылку виски было бы чистоплюйством... Вот она и пригодились, чтобы выпендриться перед сослуживцами. Может, перестану быть чужаком...

— Тыфу, гуталином отдает! — скривился тогда участковый.

Глеб виновато улыбнулся, а про себя хмыкнул — откуда деревенщине знать, что такое односолодовый виски?.. До шестнадцати лет этот Витек жил в Мармыже Кировской области, после армии устроился командовать бабками Крылатского, чтобы жилье получить. Сейчас упомяну, что бутылка эта стоит под полтыщи долларов в специальном винном бутике. Тридцать лет выдержки...

Но тут, опрокинув в глотку весь стакан дорогущего напитка, как какую-нибудь рядовую водку, вступил обычно добродушный патологоанатом Гаврилыч, уже нечувствительный к запахам — за сорок лет работы ко всему привык.

— Взятка, что ли? — повертел он в руках фигуристую бутылку. — Не люблю я это иностранное пойло. Родная лучше идет. Куда пропал Толик? Только за смертью его посылать!

Ни на один вопрос у Глеба не было остроумного ответа, поэтому он снова смолчал. Не получается контакта...

Дальше — больше. Когда прикончили первую супермаркетовскую бескозырку, обидно забыли о хозяине. Включили телик — с ящиком им уютнее — и, поглядывая на экран, говорили уже только между собой. Оживились, когда пошли криминальные новости. Цыганка под видом соцработника грабила пенсионеров, заведующая детсадом брала взятки с родителей... Обычная рутина. Необычно, что ни одного мента-коррупционера в эти сутки не задержали. Восполняя картину, вспомнили про процесс над бандой менто-прокуроров из Юго-Восточного административного округа. Мазохизм какой-то...

— Видели вчерашний репортаж? — скосив взгляд на Глеба, победным тоном, подогретым градусами, начал Витек. — Заводят их, значит, в клетку-«аквариум», прокурор лезет по привычке в первый ряд, а тут журналоги с камерами! Ну, он быстренько раз — и на галерку. Спрятался за спины подельников. Не помогло — суд признал его организатором преступной группировки. Дали девять лет колонии строгого режима, лишили чина старшего советника юстиции и почетных наград. Не учли даже, что он уже на пенсии. Обвинения по 210-й — организация преступного сообщества, часть 4 статья 159 — мошенничество, совершенное организованной группой, по 286-й — превышение должностных полномочий и по 303-й — фальсификация доказательств УК, — четко проартикулировал Витек, демонстрируя свои знания.

Наверное, учиться пошел...

Озвученную информацию Глеб, как все прокурорские, отлично знал — следил за процессом не по телику и прессе, а изнутри. Быстро сообразил, как все было организовано: оперативники ОБЭП и следователи прокуратуры, входившие в банду, отыскивали уголовные дела, производство по которым было приостановлено, и незаконно брали в оперативную разработку руководство компаний, не имеющих никакого отношения к этим делам. Обыскивали фирмы, «пристегнутые» к уголовному делу, имущество арестовывали, а затем конфискованная техника по распоряжению прокурора, теперь осужденного, отправлялась на склад какого-то ООО. Эксперт другого ООО давал заключение, согласно которому цена изъятого товара составляла примерно пятнадцать процентов от рыночной. После этого следователь межрайонной прокуратуры выносил постановление о реализации товара по заниженной цене. Продавали конфискат по реальной рыночной стоимости, а деньги делили между собой.

Знал все это Глеб, но смолчал: не хотел портить обедню, тем более что Гаврилыч и Толик слушали Витьку, раскрыв рот. Изредка только вливали туда очередную порцию водки. Многосоставная радость была написана на их лицах. Приятно, когда не ты лажанулся, а неизвестные коллеги.

Кислый привкус остался от тех посиделок. Надеялся-то на именины сердца... У других же получается! Совместное распитие спиртного обычно смягчает души. Хотя бы на время действия алкоголя.

Только не для Глеба. Ну и не надо! Понятно, что работа в одной конторе не гарантирует дружелюбного отношения. У них своя жизнь, чужая, чуждая ему, в которой он — посторонний, сколько ни пыжись. Напрасно старался, заискивал...

А Витек при редких встречах долго еще вспоминал: «Хорошо тогда посидели, надо бы повторить...»

Как же, «повторить»? Хрен вам! Тогда и освободил себя от поиска друзей-приятелей. Легче стало жить. Проще и приятней.

С тех пор никто из сослуживцев ни разу не был у него дома.

Было и прошло! Забыто! Начинаем с чистого листа, с расчищенного! — накачивает себя Глеб, выходя из лифта. Дверь квартиры распахнута, в коридоре топчется местный охранник. «Я никого туда не пускал... мы же понимаем», — виновато лепечет он: проворонил убийцу. Глеб отстраняет его, идет в комнату, присаживается на корточки возле труп, залезает в карман неплотно обтягивающих джинсов убитой — наркоманы быстро худеют и не успевают обновить одежду, достает блистерную упаковку с двумя таблетками.

— В лабораторию! — Передав трофей Витьку, Глеб поднимает голову к люстре, объясняя свои действия: — Наверху — самое потайное место, где прячутся следы преступления...

Подтаскивает стул, встает на него и осторожно, не задевая хрустальные подвески, вытягивает оттуда белый шнур.

— Стойте! Нельзя же так! Вы все следы затопчете! — кричит Витек, протягивая Глебу голубой комочек с бахилами. Опомнися.

Старательный криминалист-новичок так огорчился, что у Глеба даже екнуло где-то внутри от сочувствия. Представил себя на его месте. Да он за такую халатность... Взорвался бы, но... бурю наружу бы не выпустил, побоялся старших и опытных...

Не особо и притворяясь, Глеб охает, просит прощенья, как бы в смущении отходя вглубь комнаты, к окну.

— Отметьте в отчете мою промашку... я еще за ручку двери схватился, о стол вроде оперся, вот удавку схватил, — надевая тонкие полиэтиленовые бахилы и резиновые перчатки, виноватится он.